

МЯГКАЯ СИЛА

Научная статья / Research article

«Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»?

К. В. Маслова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-1604>, e-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

Аннотация: В настоящей работе производится попытка определить возможности и ограничения международного сотрудничества в борьбе с пандемиями с точки зрения укрепления имиджа страны на примере российского экспорта вакцин против вируса COVID-19 в Центральную Азию. Для этого в первой части работы проанализировано явление «вакцинной дипломатии» в мировой политике и международных отношениях через призму его «мягкосилового» воздействия, определены содержание и особенности этого феномена в современных реалиях. Истоки зарождения данного явления прослеживаются уже в конце 18 в. с момента изобретения первой вакцины и попыток ее использования в качестве дипломатического инструмента. Особое внимание обращается на позитивную сторону «вакцинной дипломатии» в период «холодной войны», что имело выражение в ее гуманитарном эффекте, а также в развитии международного сотрудничества в сфере здравоохранения как элемент соперничества двух сверхдержав. Утверждается, что отличительной чертой «вакцинной дипломатии» сегодня является ее большая конфронтационная составляющая, что придает данному направлению деятельности схожесть с ведением внешнеполитических «гибридных» (информационных) войн. Другой особенностью нынешнего этапа можно полагать высокий уровень коммерциализации рынка вакцин, что увеличивает значимость компаний – производителей препаратов и обуславливает необходимость учета их интересов. Во второй части освещена международная деятельность России по поставке вакцин в страны Центральной Азии в сопоставлении с Китаем, активно наращивающим свое «мягкосиловое» влияние в регионе, в том числе в формате «вакцинной дипломатии». Отмечается, что несмотря на то, что Россия оказалась первой страной, предоставившей помощь своим центральноазиатским соседям, данные страны заинтересованы в дальнейшей диверсификации поставок вакцин, что демонстрирует их ориентированность на многовекторную внешнюю политику. В заключении делается вывод о краткосрочной эффективности «вакцинной дипломатии» с точки зрения возможности наращивания Россией «мягкосилового» потенциала в регионе.

Ключевые слова: мягкая сила, гуманитарное сотрудничество, борьба с пандемиями, Центральная Азия, Россия, КНР/

Для цитирования: Маслова К.В. «Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»? Постсоветские исследования. 2021;4(6):531–536.

Russia's "soft power" in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: is "vaccine diplomacy" able to win "hearts and minds"?

Ksenia V. Maslova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-1604>, e-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

Abstract: This paper aims to identify opportunities and limitations of international cooperation in the fight against pandemics for a country to strengthen its image. The study is carried out on the example of Russia's COVID-19 vaccines export to Central Asia. To this end, the phenomenon of "vaccine diplomacy" in world politics and international relations has been studied with a focus on its "soft power" value. The content and specific features of today's "vaccine diplomacy" are determined. The origins of this phenomenon can be traced back to the late 18th century when the first vaccine was invented and used as a diplomatic tool. It is emphasized the "vaccine diplomacy" was a positive phenomenon during the Cold War, forcing the development of international cooperation in the field of healthcare as an element of two superpowers rivalry as well as ensuring humanitarian benefits. Nowadays the "vaccine diplomacy" is argued to contain a larger confrontational component, which equates it with the practice of foreign "hybrid" (information) wars. A high level of commercialization of the vaccine market can be considered as another specific feature. This increases the importance of vaccine producers and the need to consider their interests. Further, the paper covers Russia's international activities in the supply of vaccines to Central Asia compared with China, which is actively increasing its "soft power" influence in the region, including in the form of "vaccine diplomacy". It is indicated that although Russia was the first country to deliver the vaccine aid to its Central Asian neighbors, these countries are interested in further diversification of their vaccine supplies, which reaffirms their adherence to the multifaceted foreign policy. It is concluded that "vaccine diplomacy" serves to obtain only the short-term results in terms of Russia's possible "soft power" gains in Central Asia.

Key words: soft power, humanitarian cooperation, fight against pandemics, Central Asia, Russia, China.

For citation: Maslova K.V. Russia's "soft power" in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: is "vaccine diplomacy" able to win "hearts and minds"? *Postsovietskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2021;4(6):531–536. (In Russ.)

Современная мировая политика имеет ярко выраженное гуманитарное измерение. Все большее значение в глобальном масштабе приобретают вопросы, непосредственно связанные с жизнью отдельного индивида, его благом, обеспечением его прав. Сегодня в условиях разразившейся эпидемии коронавируса одной из самых приоритетных гуманитарных задач является борьба с пандемией вируса COVID-19. В новом тысячелетии человечество уже неоднократно сталкивалось с угрозой опасных вирусных инфекций (лихорадка Ласса в Нигерии 2019 г., Зика в Латинской Америке 2015-2016 гг. и Эбола в Западной Африке 2014-2015 гг., коронавирус Ближневосточного респираторного синдрома 2012-2013 гг., птичий грипп 2012, 2005, 2003 гг. и свиной грипп 2009 г., атипичная пневмония 2002 г.). Однако именно эпидемия коронавируса COVID-19 приобрела по-настоящему глобальный характер и внесла вопросы борьбы с пандемиями в глобальную повестку дня. В связи с новым вызовом, повлекшим за собой мировой

экономический кризис, уже говорят о возможном новом экономическом и политическом переделе мира и переменах в числе мировых лидеров [Васильева, Цынарёва 2021]. Примером этой тенденции является феномен «вакцинной дипломатии» в период пандемии.

Россия активно наращивает международное сотрудничество в этой области, экспортируя свои вакцины в качестве гуманитарной помощи или же на коммерческой основе. Этот шаг рассматривается Москвой как большой дипломатический успех, который может позволить ей укрепить свое международное положение. В условиях глобальной конкуренции российские усилия, а также усилия некоторых других государств по производству и распространению в мире своих национальных вакцин против коронавирусной инфекции, обозначаемые термином «вакцинная дипломатия», рассматриваются как инструмент «мягкой силы». Возникает вопрос относительно возможностей «вакцинной дипломатии» укрепить международные позиции

России в долгосрочной перспективе. Особый интерес для рассмотрения представляет регион Центральной Азии (под которым, при всем многообразии определений, в настоящей работе понимается, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В этих странах, имеющих стратегическое значение для России, все больше усиливается присутствие других внешних игроков, прежде всего, Китая, что позволяет им проводить многовекторную внешнюю политику и ослабляет влияние РФ в регионе.

«Вакцинная дипломатия»: истоки, определение, характерные черты нынешнего этапа развития

Термин «вакцинная дипломатия» не является изобретением сегодняшнего дня. Борьба с болезнями уже давно используется для наращивания «мягкосилового» влияния за рубежом. Возникновение этого явления можно проследить одновременно с изобретением первой вакцины. Британский ученый Эдвард Дженнер, снискавший мировую известность благодаря открытию в 1798 г. вакцины против оспы, во время наполеоновских войн между Англией и Францией был призван на дипломатическую службу и вел переговоры с французской стороной по поводу освобождения заключенных [Vazin H. 2000]. «Вакцинная дипломатия» активно разворачивалась во время «холодной войны»: с ее помощью сверхдержавы демонстрировали влияние через свои научные достижения и репутацию. Совместными усилиями советских и американских ученых была разработана вакцина против полиомиелита [Swanson 2012], советской стороной была инициирована, а американской профинансирована глобальная кампания по ликвидации оспы [Hotez 2001].

Явление «вакцинной дипломатии» впервые было концептуально оформлено в работах американского ученого-медика Питера

Дж. Хотеза, который считал его одним из направлений дипломатии в области глобального здравоохранения и относил к данной практике любую деятельность по производству, доставке и использованию вакцин [Hotez 2001]. Исследователь обращал внимание на позитивный эффект «вакцинной дипломатии» (когда соперничество между державами давало стимул сотрудничеству в сфере здравоохранения), а также ее гуманитарное значение (практика прекращения военных действий и даже прекращения огня во время проведения вакцинации) [Hotez 2001].

«Вакцинная дипломатия» сегодня имеет ряд отличительных черт. Если раньше она относилась, преимущественно, к ситуациям сотрудничества (совместная разработка вакцин учеными из разных стран), то рассматриваемое явление в его нынешнем формате имеет больше элементов противоборства. Это находит выражение, в частности, в проведении информационных кампаний по дискредитации одних и поддержке других производителей вакцин.¹ В современном мире социально-гуманитарные ресурсы становятся инструментом внешнеполитической борьбы [Лебедева, Рустамова 2018: 120]. Акцент на жесткое информационное воздействие, глобальное информационное присутствие позволяет рассматривать вакцинную «дипломатию» как инструмент «гибридных» (информационных) войн.

Другой деструктивный аспект современной «вакцинной дипломатии» связан с коммерциализацией рынка вакцин, в частности. Производство и поставка вакцин – огромный бизнес с многомиллиардным оборотом средств. В 2019 г. мировой рынок вакцин оценивался в 390 млрд долларов США. Минимальные оценки объема будущего рынка вакцин от коронавируса - 10 млрд долл. в год.² Все это приводит к тому, что современная «вакцинная дипломатия» определяется

¹ См., напр., Rettman A. Four deaths after taking Russian Sputnik V vaccine [Электронный ресурс] // EU Observer. - 09 Apr 2021 г.. - 25 May 2021 г.. - <https://euobserver.com/world/151483>; Collis H. и Martuscelli C. Russia's 'geopolitical' vaccine: Is Sputnik too good to be true? [Электронный ресурс] // Politico. - 17 February 2021 г.. - 25 May 2021 г.. - <https://www.politico.eu/article/russia-sputnik-geopolitical-coronavirus-vaccine/>; ЮАР отложила вакцинацию препаратом AstraZeneca после данных о

низкой эффективности [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. - 08 Февраль 2021 г.. - Дата обращения: 25.05.2021 - <https://www.kommersant.ru/doc/4681714>.

² Kollwe J. Future market for Covid vaccines 'could be worth more than \$10bn a year' [Электронный ресурс] // The Guardian. - 05 Nov 2020 г.. - 25 May 2021 г.. - <https://www.theguardian.com/business/2020/nov/05/future-market-for-covid-vaccines-could-be-worth-more-than-10bn-a-year>.

не только внешнеполитическими интересами государств, но и коммерческими интересами крупнейших фармацевтических компаний – производителей вакцин. Несмотря на нехватку вакцин в развивающихся странах, призывы ВОЗ признать всеобщий доступ к вакцине от коронавируса мировым общественным благом и поделиться интеллектуальной собственностью, чтобы можно было производить больше доз и сделать вакцину общедоступной, некоторые производители вакцин отказываются открывать дополнительные производства в других странах и передавать свои технологии. Такие компании как Pfizer и Moderna даже в период пандемии предоставляют свои вакцины исключительно на коммерческой основе. Подобное развитие сигнализирует о дальнейшей трансформации и «приватизации» внешнеполитической сферы и дипломатии. Дипломатия реализуется не только дипломатами, но и крупнейшими профильными компаниями, и даже отдельными специалистами в конкретных областях [Kickbusch, Silberschmidt, Buss 2007: 230]. Достижение победы над распространением вируса становится невозможным без согласования усилий с данными категориями участников, что повышает их значимость в глобальном масштабе.

Международные усилия по борьбе с пандемией коронавируса в Центральной Азии

Россия создала обширную сеть сотрудничества по поставкам и производству своих вакцин в Центральной Азии. Готовность российской стороны осуществить поставки и технологический трансфер вакцин другим странам, причем преимущественно на безвозмездной основе, резко отличается от политики некоторых других стран – производителей, нацеленных, в первую очередь, на вакцинирование собственного населения. Решая проблему неравенства в отношении межстранового распределения вакцин, делая их более доступными для развивающихся стран, Москва открывает перед собой определенные «мягкосиловые» возможности.

Еще до начала мировой пандемии в России разрабатывались стратегии по использованию сотрудничества в сфере

здравоохранения для усиления своих международных позиций и улучшения своего имиджа среди элит и населения других стран [Караганов 2020: 92]. Помощь наименее защищенным странам со слабыми системами здравоохранения в борьбе с болезнями, а также продвижение российского научного потенциала в сфере здоровья стали рассматриваться в качестве одной из составляющих российской новой внешнеполитической идентичности [Караганов 2020: 92]. Одним из приоритетных регионов осуществления данной деятельности остается Центральная Азия, имеющая для России важное стратегическое значение.

Применительно к центральноазиатскому региону «вакцинная дипломатия» разворачивается, главным образом, между Россией и Китаем. Российская вакцина первой появилась в центральноазиатских странах. По состоянию на конец мая 2021 г., российская вакцина «Спутник V» одобрена к применению и уже поставляется в Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан, прямая поставка вакцины обсуждается и с таджикской стороной (до настоящего момента Таджикистан получал производимые в Индии вакцины AstraZeneca в качестве гуманитарной помощи по линии COVAX). В Туркменистане также получила одобрение другая российская вакцина «ЭпиВакКорона». С конца 2020 г. производство российской вакцины началось в Казахстане, возможность производства «Спутника V» рассматривается и в Узбекистане.

Помимо российских вакцин на центральноазиатском рынке присутствуют и другие игроки, прежде всего, КНР. Вакцины китайской SinoPharm были направлены в Киргизию и Казахстан; Узбекистан является единственной страной за пределами «Поднебесной» использующей китайскую вакцину «RBD-Dimer». В Таджикистане также намерены зарегистрировать китайскую CoronaVac. Наряду со «Спутником V» Узбекистан реализует шведско-британскую вакцину Oxford/AstraZeneca. Казахстан также проводит переговоры о поставке вакцин с американским производителем Pfizer.

Согласно данным февральского опроса исследовательского института Central Asia Barometer, большинство граждан рассматриваемых стран высказали мнение, что Россия лучше остальных стран способна помочь им в борьбе с коронавирусом. В Казахстане 51,6% граждан, 57,8% в Узбекистане и 75,5% граждан в Киргизии заявили, что лучше всего их странам может помочь Россия. Почти 20% респондентов в Казахстане, 14% в Узбекистане и 7,5% в Кыргызстане считают, что лучше всего сможет помочь их странам Китай¹. При этом, старшее поколение, в большей степени, чем молодые люди склонны рассматривать Россию как страну, способную оказать помощь их странам в борьбе с ковидом. Молодежь составляет большинство из тех, кто ожидает поддержку от других стран (Китай, США, др.).

Центральная Азия, таким образом, продолжает ориентироваться в первую очередь – хотя и не исключительно – на Россию. Стремление правительств данных стран к диверсификации производителей вакцин в очередной раз наглядно демонстрирует их приверженность принципу многовекторности во внешней политике. Примечательно, что даже ситуация вокруг вакцинации демонстрирует малочисленность в сопредельных государствах пророссийски ориентированной молодежи, не разделяющих общих с Россией ценностей, что актуализирует проблему выстраивания отношений с будущим поколением лидеров в регионе.

Заключение

«Вакцинная дипломатия», в том или ином ее проявлении всегда имевшая место в международных отношениях, становится сегодня внешнеполитическим инструментом в попытках государств усилить свои позиции в перестраивающемся под воздействием пандемии мировом порядке.

Россия активно наращивает свои усилия в данном направлении, что содействует продвижению ее гуманистического образа зарубежом как спасителя развивающихся стран от пандемии. Международные поставки вакцины могут рассматриваться в качестве

инструмента по улучшению глобального имиджа России и завоеванию поддержки среди населения, особенно в Центральной Азии, где ее часто критикуют за поведение «старшего брата». Путем формирования у иностранной общественности позитивного восприятия Москвы за счет оказания гуманитарной помощи правительствам соседних стран Россия намеревается в том числе противодействовать значительному влиянию Китая в регионе. С учетом того, что для защиты населения от повторных волн COVID-19 может потребоваться проведение вакцинации на ежегодной основе, это потенциально может поставить страны региона в зависимость от регулярных поставок вакцин и дополнительно укрепить позиции стран – производителей.

Насколько эффективной будет «вакцинная дипломатия» и будет ли она способствовать интересам России? Признавая за Россией ее возросшее значение в глобальном масштабе за счет ее усилий в борьбе с пандемией, стоит отметить, что положительное влияние подобных жестов доброй воли является быстро преходящим. Прочные связи между странами не могут выстраиваться исключительно на основе чувства признательности. Хотя в 1950-х гг. СССР оказал существенную помощь Китаю в его экономическом становлении и развитии, это не привело к установлению дружественных отношений в долгосрочной перспективе. Уже в конце 1950-х гг. между СССР и КНР начался дипломатический конфликт, приведший к приграничным военным столкновениям.

Гуманитарная помощь и особенно информационное воздействие ориентированы, главным образом, на решение краткосрочных задач [Лебедева, Рустамова 2018: 121]. И это отличает «вакцинную дипломатию», имеющую положительный эффект лишь в ближайшем обозримом будущем, от «мягкой силы», действующей незримо, неосяземо и – за счет ненавязчивости и глубины своего влияния – позволяющей закрепить результат в долгосрочной перспективе.

¹ Where the Central Asians expect the Aid coming from in Order to handle the COVID-19 Crisis? [Электронный ресурс] // Central Asia Barometer. - 02 Февраль 2021 г.. - Дата обращения: 22.05.2021г.. - [https://ca-](https://ca-barometer.org/en/news/where-the-central-asians-expect-the-aid-coming-from-in-order-to-handle-the-covid-19-crisis)

[barometer.org/en/news/where-the-central-asians-expect-the-aid-coming-from-in-order-to-handle-the-covid-19-crisis](https://ca-barometer.org/en/news/where-the-central-asians-expect-the-aid-coming-from-in-order-to-handle-the-covid-19-crisis).

«Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»?

Российская «вакцинная дипломатия» вряд ли сама по себе способна укрепить отношения с центральноазиатскими соседями. Тем не менее, ее можно рассматривать как шаг в правильном направлении, и, если за ней последует более гибкая политика, это

может способствовать тому, что Россия будет воспринимать в соседних странах как более благожелательный партнер. Это могло бы приглушить пропаганду антироссийских сил в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева Е.Н., Цынарёва Н.А.* Современная система международных отношений в период пандемии: тенденции и трансформации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2021. № 1 (68). С. 199-204.
- Караганов С.А.* [и др.] Защита мира, земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России [Доклад] / М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 92.
- Лебедева М.М., Рустамова Л.Р.* Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России // Вестник МГИМО-У, 2018. № 5 (62). С. 114-130.
- Bazin H.* The Eradication of Smallpox: Edward Jenner and the First and Only Eradication of a Human Infectious Disease. New York: Academic Press, 2000. 246 p.
- Henderson D.A.* Smallpox: the death of a disease. Amherst (New York): Prometheus Books, 2009. 334 p.
- Hotez P.J.* Vaccine diplomacy // Foreign Policy, May-June 2001. № 124. P. 68–69.
- Kickbusch I., Silberschmidt G. u Buss P.* Global health diplomacy: the need for new perspectives, strategic approaches and skills in global health // Bulletin of the World Health Organisation, 2007. № 85. P. 230-232.
- Swanson W.* Birth of a cold war vaccine // Scientific American, 2012. Vol. 306. № 4. P. 66–69.

REFERENCES

- Vasil'eva E.N., Cynaryova N.A.* Sovremennaya sistema mezhdunarodnyh otnoshenij v period pandemii: tendencii i transformacii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, 2021. № 1 (68). S. 199-204.
- Karaganov S.A.* [i dr.] Zashchita mira, zemli, svobody vybora dlya vsekh stran: Novye idei dlya vneshnej politiki Rossii [Doklad] / M.: NIU VSHE, 2020. S. 92.
- Lebedeva M.M., Rustamova L.R.* Transformaciya social'no-gumanitarnoj sfery mirovoj politiki: posledstviya dlya Rossii // Vestnik MGIMO-U, 2018. № 5 (62). S. 114-130.
- Bazin H.* The Eradication of Smallpox: Edward Jenner and the First and Only Eradication of a Human Infectious Disease. New York: Academic Press, 2000. 246 p.
- Henderson D.A.* Smallpox: the death of a disease. Amherst (New York): Prometheus Books, 2009. 334 p.
- Hotez P.J.* Vaccine diplomacy // Foreign Policy, May-June 2001. № 124. P. 68–69.
- Kickbusch I., Silberschmidt G. i Buss P.* Global health diplomacy: the need for new perspectives, strategic approaches and skills in global health // Bulletin of the World Health Organisation, 2007. № 85. P. 230-232.
- Swanson W.* Birth of a cold war vaccine // Scientific American, 2012. Vol. 306. № 4. P. 66–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Ксения Валерьевна, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. Москва, Россия. E-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru

Ksenia V. Maslova, postgraduate student of the Department of World Political Processes of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, Russia. E-mail: ks.v.maslova@my.mgimo.ru